

УДК 321:351.74

Андрей Викторович Манойло

МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В современном мире общее количество международных и внутренних конфликтов продолжает возрастать, возникают их новые формы (этнополитические, религиозные), мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов дипломатии. На смену национально-освободительным войнам против колониализма и неоколониализма приходит новое поколение значительно более опасных межцивилизационных конфликтов. Международные конфликты становятся точкой пересечения интересов крупнейших мировых акторов – России, США, Китая, ЕС, и, одновременно, полем соприкосновения, взаимопроникновения и столкновения ценностей крупнейших мировых цивилизаций: христианства, конфуцианства и ислама.

Между тем, международная деятельность по урегулированию конфликтов сегодня переживает системный кризис, выражающийся в неудачных попытках их мирного разрешения: большинство из современных конфликтов в результате внешнего вмешательства в лучшем случае переходит в «замороженную» фазу. Опыт конфликтов в Персидском заливе, на Балканах, в Афганистане и в других регионах, где ООН была предоставлена возможность управлять конфликтами, выявил ограниченную способность этой организации заниматься осуществлением задачи установления и поддержания мира. Это способствует выявлению двух основных претендентов на роль миротворца, обеспечивающих военную сторону политики управления конфликтами: США и НАТО. Их участие в конфликтах в Сомали (1993) и в Боснии (1995) привело к тому, что миротворческие операции стали считаться одним из специальных направлений деятельности блока НАТО, а также – основной причиной формирования в США жесткого радикального подхода к управлению конфликтами, основанного на активном и упреждающем применении военной силы [1].

Управление современными международными конфликтами требует от актора (государства или международной организации) предельной концентрации ресурсов, наличия политической воли, невозможной в условиях полицентрической системы принятия решений. ООН сегодня в полной мере не отвечает этим требованиям. Напротив, США обладает для этого всеми необходимыми ресурсами. Однако существует группа государств, включающая влиятельных участников международных отношений (Россия, Китай, Франция, Германия), которая не желает

доверять Соединенным Штатам функцию контроля над конфликтами, считая, что это увеличит международные активы США и создаст угрозу их собственному суверенитету [1]. Это снижает эффективность применения англосаксонской модели управления международными конфликтами и ее способность переводить существующие конфликты в мирную фазу.

Между тем, в условиях обостряющейся борьбы мировых лидеров за власть региональные конфликты могут с легкостью перерастать свои начальные рамки и выливаться в более масштабные столкновения, вплоть до глобальных войн. Деятельность США, их партнеров (НАТО) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный, уровень. Примером могут служить военные компании США и НАТО в Ираке и Афганистане, на Балканах. При этом в конфликтах последних лет все большую роль играют технологии информационно-психологического воздействия и управления. Как указал Президент России Д.А. Медведев, в войне в Южной Осетии «нынешняя система безопасности оказалась взломана и, к сожалению, показала свою абсолютную несостоятельность» [2]. При этом сам вооруженный конфликт в Южной Осетии был только начальной фазой спланированной США стратегической операции психологической войны, механизмом, способным накалить и взорвать (в нужном направлении) мировое общественное мнение. Реакция западных СМИ на события в Южной Осетии продемонстрировала, в какой степени нынешняя реальность определяется не подлинными событиями, а их информационной имитацией [3].

Зоны этнополитических конфликтов в странах третьего мира все более заметно становятся полем столкновения интересов мировых игроков. Крупнейшие из них – США и КНР. Это создает дополнительные трудности для мирного разрешения конфликтов. Нередко региональные конфликты специально инициируются в районах, имеющих стратегическое экономическое или военное значение, для того, чтобы под видом миротворчества обеспечить там свое военное и политическое присутствие. Ярким примером может служить война в Ливии, показавшая, насколько быстро в современных условиях

отдельные выступления слабых и разрозненных групп недовольных правящим режимом могут перерасти сначала в вооруженные столкновения, а затем и в гражданскую войну.

Благодаря прямому военному вмешательству западных государств внутренние политические беспорядки в Ливии превратились в крупный международный конфликт. Между тем, сегодня ситуация в мире настолько накалена, что любой международный конфликт может стать поводом для новой мировой войны. Цель мировых войн – передел политической карты мира, исторически сложившихся государственных и национальных границ. В этой ситуации не имеет значения, о каких именно границах идет речь, о «морально устаревших» границах бывших европейских колоний или о новых геополитических рубежах и «демаркационных линиях» между «мировыми цивилизациями», очерчивающими их «природное жизненное пространство»: одно с легкостью может перетечь в другое. С другой стороны, именно к такому переделу мира стремятся сегодня Соединенные Штаты, сознательно демонтирующие ялтинскую модель и ведущие риторичку о необходимости пересмотра «искусственных и нежизнеспособных» границ бывших европейских колоний, показавших, по мнению Вашингтона, свою несостоятельность в роли субъектов мировой политики. В этом процессе Ливия и ее лидер М. Каддафи – всего лишь повод для нового передела мира, а военная интервенция – окончательный аргумент для тех, чье мнение игнорируется, в том числе для коренного населения бывших колониальных стран. Понимая, что тем самым Соединенные Штаты ставят мир на грань глобального вооруженного конфликта и сознательно раскачивают систему международной безопасности, Вашингтон все-таки рассчитывает новой мировой войны избежать. Это с необходимостью требует научного анализа, осмысления и обобщения результатов расширяющейся американской экспансии и оправданности применяемых ими технологий управления международными конфликтами.

Сложившаяся ситуация требует от мирового сообщества не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликты, но и формирования новых парадигм управления ими. Такой парадигмой сегодня становятся концепции и модели управления конфликтами с помощью технологий информационно-психологического воздействия, основанные на культурно-цивилизационных традициях. Помимо англосаксонской модели информационно-психологического управления конфликтами, свои культурно-цивилизационные и национально-государственные модели предлагают ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция), Азиатско-Тихоокеанского Региона (Китай, Вьетнам) и Ближнего Востока (исламский мир). Сегодня все эти модели еще находятся в стадии бесконфликтного сосуществования и даже в некоторых случаях дополняют друг друга. Однако, этот временно установившийся баланс сил может измениться в любой момент.

В рамках указанной культурно-цивилизационной парадигмы внутренняя подсистема системы мировых моделей управления

международными конфликтами, представленная политикой молодых государств Африки и латиноамериканской Америки, также стремящихся участвовать в управлении конфликтами на основе собственных цивилизационных представлений, может быть представлена в виде диалектического единства и борьбы интересов новых акторов миротворческой деятельности в базисе, формируемом векторами внешней политики и миротворческой деятельности мировых лидеров (США, КНР, Россия, ЕС и т.д.) в своем соперничестве за влияние в зонах конфликтов.

Россия сегодня возвращается в мировую политику в качестве ключевого игрока и сегодня, как никогда заинтересована в укреплении своих позиций в стратегически значимых регионах Земного шара, в которых сегодня протекают наиболее опасные международные конфликты. В основном, это страны т.н. «третьего мира»: молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки. Основа для этого есть: во всех этих государствах традиционно высоким был авторитет Советского Союза. Возвращение России в эти регионы в виде миротворца – вопрос не только экономической целесообразности, но и международного престижа. К тому же, Россия имеет обширный и разнообразный опыт миротворческой деятельности на пространстве СНГ, востребованный в современных условиях. Однако, помимо опыта, ключевым условием успешности России в управлении международными конфликтами является наличие собственной культурно-цивилизационной модели, основанной на национальных технологиях информационно-психологического воздействия. Только выработка собственной модели управления конфликтами позволит России занять достойное место среди уже утвердившихся на этом поле внешнеполитических игроков, каждый из которых в управлении международными конфликтами опирается на собственную культурно-цивилизационную парадигму. При этом российская модель должна не дублировать уже существующие западные или восточные аналоги, а предлагать участникам конфликтов достойную и наилучшую альтернативу.

В отличие от ведущих евроатлантических моделей (англосаксонской и романо-германской), российская культурно-цивилизационная модель управления конфликтами рассматривает процесс психологического воздействия на конфликты как процесс цивилизаторской модернизации существующей картины мира. Конфликты в рамках российской концепции воспринимаются не только как цивилизационные разломы и точки столкновения, проявления антагонизма различных цивилизаций, но и как «плавильные котлы» для идеологических концепций, претендующих на управление современным миром; как медиа-повод для залповых выбросов на целевые аудитории и закрепления в их сознании ценностей и установок российской национальной модели, а также внедрения новых форм и практики социального, политического поведения в мировой политике.

Основное отличие от англосаксонской модели состоит в том, что российская модель предлагает собственное видение мирного разрешения международных конфликтов, выступающее в качестве наилучшей альтернативы в конкретных

сложившихся условиях. Российская модель не навязывает собственное мировоззрение и стремится к тому, чтобы участники конфликта сами сделали сознательный выбор в пользу российской модели, добровольно и без принуждения. Такая практика оправдана как в ближней, так и в отдаленной перспективе развития международных отношений: в отличие от российской модели, «демократические шаблоны» политического поведения англосаксов, принудительно навязанные участникам конфликта, нуждаются в постоянной внешней силовой поддержке и перестают действовать, как только этот фактор силы исчезает. Следовательно, их эффект недолговечен и неспособен качественно изменить конфликтную ситуацию, а тем более – сохранить эти изменения в течение продолжительного времени.

Основное отличие от романо-германской модели состоит в том, что российская модель видит разрешение конфликтов в политической модернизации всей системы международных отношений, как на региональном, так и на глобальном уровне. Напротив, романо-германская модель оперирует образом и восприятием конфликта в глазах его участников, ведущих акторов международных отношений и мирового сообщества в целом, добиваясь при этом конкретных результатов, не приводящих к революционным процессам политической модернизации системы международных отношений в целом.

Какой именно должна быть российская модель и каким именно требованиям она должна удовлетворять, способен показать сравнительный политологический анализ эффективности уже существующих западных концепций и моделей управления конфликтами и практики их применения, особенно, на примерах тех конфликтов, где эти модели демонстрируют ограниченную способность к мирному разрешению существующих противоречий и проявляют различные системные недостатки. Именно способность разрешать тупиковые, с точки зрения западных подходов, конфликтные ситуации обеспечит российской модели высокую конкурентоспособность и привлекательность в деле поддержания и укрепления мира. Таким образом, Россия сегодня стоит перед задачей выработки такой модели, основанной на национальных технологиях информационно-психологического воздействия.

Практика современных миротворческих операций наглядно демонстрирует, что сегодня в эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межцивилизационная. В этой фазе консолидация сил, средств и ресурсов его участников строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, что позволяет объединять и мобилизовать намного более значительные людские и материальные ресурсы, а статус локальных конфликтов поднимать до уровня межцивилизационного противостояния. Концепция столкновения цивилизаций – это механизм мобилизации ресурсов нового поколения: он превосходит возможности национально-государственной идеологии, способной для участия в конфликте мобилизовать

(по национальному признаку) ресурсы одного государства и его политических союзников. В конфликтах нового поколения мобилизация ресурсов идет на ментальном уровне, объединяющем трансграничные и многонациональные массы людей, принадлежащих к общей цивилизационной парадигме или культурной традиции.

Межцивилизационные конфликты в международной практике повсеместно вытесняют традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств (т.н. институциональные конфликты). Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия. Их сегодня в мире четыре: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская. Каждая из них стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира. Национально-государственные принципы урегулирования конфликтов постепенно уходят в прошлое; кризис институциональной системы управления конфликтами подчеркивает кризис ООН как главного института миротворческой деятельности.

Современные международные конфликты, носящие характер столкновения цивилизаций, являются «плавильными котлами» существующих доктрин и очагами политической модернизации.

Став в результате применения специальных политических технологий управляемыми, такие конфликты тем самым становятся инструментами политической модернизации системы международных отношений, эволюция которой может быть направлена в определенное русло. Управляя международными конфликтами, можно управлять политической модернизацией. Для ведущих мировых держав, стремящихся к глобальному лидерству, сегодня выгоднее сделать международный конфликт управляемым и затем использовать его в своих целях, чем способствовать его мирному разрешению. Вот почему идеология управления конфликтами сегодня активно развивается всеми ведущими мировыми лидерами, а концепции управления международными конфликтами выдвигаются ими на передний план миротворческой деятельности.

Одновременно, с доминированием в современных международных конфликтах идеологии межцивилизационного противостояния, в миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямое и скорейшее разрешение. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике не интересен и не выгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитический перевес в данном регионе ни одной из великих держав.

Однако, сегодня проблема миротворчества состоит в том, что смена целеполагания в современных операциях по урегулированию конфликтов ведет к накоплению конфликтного

потенциала, стимулюванню множинності конфліктів, їх масовому заморожуванню в результаті сучасної «миротворчої» діяльності і прямої небезпеки срабатывания кумулятивного ефекта - одночасного спонтанного разморозування вказаних конфліктів, в перспективі.

Кожна з чотирьох домінуючих сьогодні в світі моделей управління конфліктами (англосаксонська, романо-німецька, східноазійська, романо-німецька і романо-німецька) прагне перетворити політичні системи учасників конфлікту в відповідності з власною картиною світу, вважаючи представителів цієї моделі найкращою і найбільш досконалою. Ні одна з них не передбачає свободи вибору зі сторони учасників конфлікту і принципу суперечливості серед самих моделей в боротьбі за право розв'язати конфлікт: всюди йде виключно про цивілізаційну місію і управління «всередині». Це з часом неминуче призведе до жорсткої конкуренції між моделями і відволеченню уваги від власної проблеми мирного розв'язання конфліктів. На фоні цього суперництва в системі вже існуючих світових моделей управління конфліктами обов'язково повинна з'явитися нова складова, передбачаюча для учасників конфліктів добровільний вибір між моделями на основі найкращої альтернативи і відповідних гарантій реалізації права такого вибору. Такою моделлю може стати російська цивілізаційна модель, оскільки принципи альтернативності близькі російській практиці розв'язання міжнародних конфліктів.

Існування вказаної проблеми вимагає суттєвої модернізації культурно-цивілізаційного підходу до інформаційно-психологічного впливу на міжнародні конфлікти з урахування наступних факторів:

- результати порівняльного аналізу існуючих сьогодні в США, Західній Європі, Азійсько-Тихоокеанському регіоні і ісламському світі культурно-цивілізаційних і національно-державних моделей демонструють, що система з чотирьох домінуючих світових моделей управління

конфліктами (англосаксонської, романо-німецької, східноазійської і східноазійської) не є самодостатньою; її ідеологічна некомпенсованість в умовах появи все більш складних форм конфліктів закладає в розвиток суспільства небезпеку виникнення нових системних кризисів миротворчої діяльності;

- в сучасній системі світових культурно-цивілізаційних моделей іменито російська модель управління конфліктами надає їй сбалансованість і стійкість: вона в багатьох компенсує системні недоліки відомих моделей, пропонуючи в моменти кризи всім учасникам конфлікту (як протидіюючим сторонам, так і самим миротворцям) альтернативне бачення виниклої ситуації і шляхів виходу з неї. При цьому російська модель надає потужний цивілізаційний вплив як на учасників конфліктів, так і на світове співтовариство і систему міжнародних відносин в цілому.

В результаті, на основі цих висновків, в новому світі можуть бути сформульовані інтереси Росії, її зовнішньої політики, як по відношенню до найбільш небезпечних міжнародних конфліктів, так і по відношенню до провідних світових акторів, учасників миротворчої діяльності, а також - рекомендації по реалізації актуальних завдань російської зовнішньої політики по управлінню міжнародними конфліктами в найближчій, середньострокову і довгострокову перспективі.

Література

1. Кременюк В.А. Сучасний міжнародний конфлікт: проблеми управління. / В.А. Кременюк // Міжнародні процеси, 2008, 24 апр.; Режим доступу: <http://www.intertrends.ru/one/005.htm>
2. Д.А. Медведєв. Виступлення на зустрічі з представителями російських громадських організацій, 2008, 19 сент.; Режим доступу: <http://www.rambler.ru/news/politics/medvedev/23462359.html>
3. Міронов С.М. Доклад на 1-й міжнародній конференції «Інформаційні війни в сучасному світі». / С.М. Міронов // Інформаційні війни в сучасному світі. Збірник статей. М. 2008. 450 с.

В статті наведені результати дослідження перспективних напрямків модернізації теорії управління міжнародними конфліктами, яка ґрунтується на культурно-цивілізаційній парадигмі. В результаті порівняльного аналізу англосаксонської, романо-німецької, східноазійської і близькосхідної моделей управління конфліктами встановлено, що ця система моделей, з огляду на протидіюючі тенденції, не є повною та скомпенсованою. Це породжує певні проблеми у використанні цих моделей у сучасних миротворчих операціях, що потребує модернізації культурно-цивілізаційної парадигми та висуває нові вимоги до російської національної моделі управління міжнародними конфліктами.

Ключові слова: національна безпека, зовнішня політика, міжнародні відносини, міжнародний конфлікт, управління конфліктом, модернізація.

The article presents the results of a study of perspective directions of modernization of the management theory of international conflicts based on cultural and civilizational paradigm. A comparative analysis of Anglo-Saxon, Roman-Germanic, East Asian and Middle Eastern models of conflict management determined that the system of models, contrary to popular belief, is not complete and compensated. This creates certain problems in using these models in modern peacekeeping operations, which requires upgrading of cultural and civilizational paradigm and new demands to the Russian national model for managing international conflicts.

Key words: national security, foreign policy, international relations, international conflict, conflict management, political modernization.